

РАЗВОРОТ

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

В истории «Золотой маски» случались разные неожиданности, но такой курьёз, как в этом году, кажется, произошёл впервые. Ведь как звучит идея «Маски»? «Золотая маска» — это фестиваль-конкурс лучших спектаклей России. Великолепно! Создаётся экспертный совет, который осуществляет отбор претендентов, а затем судьбу всех номинантов решают члены жюри. Все чётко: цели ясны, задачи определены — работайте, ребята!

Не стану судить о том, кто и какую функцию выполняет в экспертном совете. Есть результат. А в результате остались «за бортом» два очень значительных события в музыкальном театре России: «Онегин» и «Ромео и Джульетта».

В том и другом случае речь идёт о спектаклях, впервые появившихся на нашем театральном пространстве. В том и другом случае мы видим целый букет актёрских удач и великолепных партий.

Ольга Смирнова и Владислав Лантратов — Татьяна и Онегин в Большом — прекрасные работы, великолепный дуэт, а их нет в персональных номинациях.

Редчайшая на сегодняшний день постановка Макмиллана (сегодня его «Ромео и Джульетта» идёт только в Ковент-Гарден и Ла Скала — и то редко, блоками, — и у нас в Перми) не будет показана в Москве. И у нас тоже много могло быть персональных номинаций. Но в результате столичная публика (не только московская, но и из других городов, ведь это огромный фестиваль, на который приезжают зрители отовсюду) лишина возможности увидеть своими глазами эту грандиозную работу. Я говорю о «Ромео», потому что «Онегина» москвичи могут увидеть, по крайней мере, в репертуаре Большого театра.

Ещё более курьёзна ситуация, если вспомнить про «Пульчинеллу» Новосибирского театра оперы и балета, который был номинирован на премию. Этот балет Кирилл Симонов поставил в 2004 году и возобновил в 2013-м. Однако редакция «Пульчинеллы», спектакля 2004 года, перевесила «Онегина» Крэнко или «Ромео и Джульетту» Макмиллана. Получается, экспертный совет дискредитирует саму идею фестиваля.

Возникает вопрос: чем руководствовались эксперты «Маски»? Вы хотите «тянуть» регионы, а ставшему одиозным сегодня Большому театру — вилку в бок? Отлично! Но Пермь разве не «реги-

он»? Причём, далеко не бесславный в области театра.

— Вам недостаточно того, что Пермь будет представлена на фестивале балетом *The Second Detail*?

— А что, в условиях «Маски» есть примечание о том, что от театра должен быть номинирован только один спектакль? Екатеринбург номинирован с двумя балетами, также с двумя — Михайловский театр, театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, Новосибирский театр.

Знаете, я бы ещё понял, если бы Форсайта как раз не пропустили: мол, в Большом его уже ставили, в Мариинке тоже, хотя *The Second Detail* — это тоже российская премьера. Понял бы. Но то, что «Деталь» номинирована, а «Ромео» нет, — вот это уже нонсенс.

До меня доносились иногда от членов экспертного совета настроения, что, мол, вот, неудачно перенесли... Во-первых, спектакль у нас выпускала лично леди Макмиллан, а, во-вторых, мне кажется, что господа члены совета уже берут на себя функцию жюри, а это по меньшей мере неприлично.

Кстати, Михайловский театр выдвинут как раз с «Ромео». Это двухактный спектакль, с купированной под авторскую хореографию Начо Дуато музыкой. В Перми Прокофьева играют целиком, причём в максимально приближенном к замыслу Прокофьева варианте. Говорю об этом, потому что с музыкальной стороны это тоже совершенно беспрецедентная работа, и Теодор Курентзис лишился абсолютно заслуженной дирижёрской номинации.

Совершенно очевидно, что в данной ситуации члены экспертного совета решают какие-то свои конъюнктурно-политические задачи. И демонстрируют субъективность и вкусовщину.

— Кто из балетного сообщества думает так же, как вы?

— Очень многие. Критики, профессионалы и поклонники балета считают, что это несправедливо.

— А на премию за Форсайта вы не рассчитываете?

— Нет. Как бы мы ни станцевали Форсайта, ему не присудят премию. Больше того, сами номинации уже сделаны с прицелом на победителей.

— В следующем сезоне номинации на «Маску» будут для вас иметь значение?

— Художественная политика нашего театра и репертуар формируются абсолютно безотносительно к «Золотой маске». Тот или иной репертуарный выбор мы делаем сообразно стратегии развития труппы и концепции, что называется, пермского контекста. «Золотая маска» — это для нас дополнительный повод показать наши спектакли в Москве, расширить круг публики. В Москве много людей, которые любят Пермский балет и хотят его видеть. Поэтому мы не собираемся бойкотировать «Маску».

— В 2013 году появилась относительная успокоенность за проект реконструкции Пермского театра оперы и балета. Это уже не мечты, на всех уровнях власти и в обществе о нём говорят, как о реальности. Вы со своих позиций контролируете процесс? Ведь вторую сцену обещают, в первую очередь, балетной труппе.

— Да. Вот недавно был Градостроительный совет при губернаторе, и я ещё раз посмотрел всё: где у нас будут репетиционные залы, где гримёрные, балетное управление — меня в этом проекте всё устраивает.

Нам хватит места, учитывая, что я не собираюсь набирать труппу в 400 человек, как в Мариинке, а всего лишь хочу увеличить состав вдвое. Когда открывается новая сцена, в труппе должно быть 150 человек. Другое дело, где их взять. Прежде всего, в Пермском хореографическом колледже. Но сегодня ситуация такова, что профессия артиста балета резко утратила свою популярность.

Когда в 1984 году я поступал в Вагановское училище, было 50 человек на место, а среди девочек ещё больше — 80 человек на место. Там толпы были! Сейчас такого нет — недобор. А театры требуют: у Большого — две сцены, у Мариинки — три. Есть ещё гиганты с амбициями — Михайловский театр и театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Мы легко конкурируем с ними в плане репертуара. Вот, в частности, пример: 17 января Александр Таранов и Ксения Барбашёва приглашены принять участие в гала-концерте «Звёзды российского балета в Монреале». Меня умоляли отпустить их на три дня с гастролями (мы в те дни будем во Франции), и я согласился. Они исполнят pas de deux из «Шута» и «Ноктюрна», потому что это их уникальный репертуар, и такого репертуара больше нет ни у кого в мире.

При этом мы не в состоянии соперничать с театрами-монстрами в финансово-экономическом плане. Все наши успехи не благодаря чему-то, а всё время вопреки.

И здесь, с одной стороны, Пермский край должен понимать, что у него нет более впечатляющего культурного бренда, чем пермский балет и Театр оперы и балета. С другой стороны, есть общая картина в нашей стране — не менее спорная, чем с «Золотой маской», ситуация с президентским грантом.

Если копать глубже, мне вообще непонятно, почему нужно говорить о каких-то грантах. Сделайте вы зарплаты нормальные, а то у нас зарплата 5 тыс. руб., зато всё время какие-то гранты. Что за положение вечной нищеты! Ладно, пусть будет система грантов. Но опять же, почему Пермский театр оперы и балета обходят стороной? Раньше говорили о принципе федеральности — гранты были только для федеральных театров. Но в последний раз этот принцип был отменён, в список попали театры, как наш, краевых учредителей.

Сейчас попросить президента о гранте для Пермского театра оперы и балета может только губернатор. Это напрямую зависит от Виктора Басаргина. И я очень надеюсь, что Виктор Фёдорович добудет театру президентский грант.

— Какой вы видите идеальную модель жизнедеятельности для труппы пермского балета?

— Именно такой, которая уже очень близка к своему воплощению. Безусловно, нужен новый театр, новая сцена. Труппа должна быть минимум 150 человек. Во-первых, потому что каждая труппа всё равно должна быть чётко структурирована, а во-вторых, когда мы уезжаем на гастроли, жизнь в театре не должна останавливаться. Расширять горизонты и аудиторию, а также «прогревать» труппу необходимо, но при этом дома репертуар тоже нужно продолжать показывать.

— Кстати, насколько известно, пермский балет в этом году отклонил предложение о гастролях в предновогодние недели в следующем году, это так?

— Вот когда у нас будет удвоенный состав труппы, тогда мы сможем всё — и гастролировать, зарабатывая для театра деньги и выполняя план нашего учредителя по зрителям, и выступать дома.

— И пермяки, и зрители за границей — все просят «Щелкунчика». Это самый кассовый спектакль, но он нуждается в обновлении. Есть ли у вас желание сделать капитальное возобновление: новые красивые декорации, например?

— Такие планы есть, причём несколько вариантов. У нас сейчас идёт «Щелкунчик» Василия Вайнонена, плохо перенесённый, с купюрами. Я, слава богу, знаю этот балет наизусть, потому что он является учебным спектаклем Вагановской балетной школы, и я прошёл в нём через все партии. Почему Наталья Спичына решила в пермской версии отменить «Гроссфатер» — эпизод, где бабушка с дедушкой танцуют и все мило им аплодируют, — и прочие «вкусности», мне непонятно. Вайнонен был образованный человек с прекрасным вкусом и к тому же хороший хореограф.

Есть мысль сделать капитальное возобновление: изменить сценографию и костюмы, освежить хореографию. А есть идея поставить абсолютно новый балет.

— Ваши силами или пригласить другого хореографа?

— В моей хореографии. Мне бы хотелось, чтобы всё-таки в большом адажио этот мир сладостей и детства разрушился. Там трагедия — переход от допубертата в пубертат... Я не говорю, что у меня получится наверняка, но я бы тоже хотел попробовать решить эту проблему. Как в науке, знаете, многие учёные боятся над решением одного и того же вопроса.

— То есть после «Голубой птицы» вы приметесь за «Щелкунчика»?

— За «Голубой птицей» у нас следует ряд интересных проектов. Дягилевский фестиваль летом откроется проектом Стравинский — Баланчин (балеты «Аполлон Мусагет», «Рубины» и «Симфония в трёх движениях», которой сейчас нет ни в одной русской труппе). А с началом следующего сезона мы приступим к подготовке хореографического вечера «Зимние грёзы» (балеты трёх британских хореографов) и Шостакович-проекта (наш с Теодором Курентзисом совместный проект, включающий оперу-балет «Оранго» и балет «Условно убитый»).